

ИЗРАЭЛИТСКОЕ ХРАМОВОЕ ОБЩЕСТВО В ГАМБУРГЕ (1817-1938 гг.)

*Д-р Андреас Бремер,
Институт истории немецких евреев*

Учёные-историки едины в своём мнении, что еврейское общество 19-го века было далеко не монолитным. При этом следует отметить, что немецкое еврейство в процессе своей интеграции в буржуазное общество развивалось совершенно разными путями. В 19-м веке внутренние разногласия существовали не столько между политическими, сколько между религиозными партиями, которые по-разному интерпретировали суть и содержание еврейской веры. Ранние, хотя и недолговечные, реформы имели место в королевстве Вестфалия, а также в Берлине. Более длительным был успех ранних реформ в Гамбурге, где в 1817 году вне общины было создано частное объединение – Израэлитское Храмное Общество.

11-е декабря 1817 года, когда главы 65 еврейских семей встретились, чтобы на торжественной церемонии поставить свои подписи под "Грамотой основания Нового Израэлитского Храмового Общества", стало знаменательным днём в истории гамбургского еврейства. Было снято помещение на улице Алте Штайнвег, где члены Общества встречались по субботам и праздникам, чтобы вместе молиться.

Как представить себе эти богослужения? Пульт, называемый Алмемор, на котором читался недельный отрывок Торы, находился обычно в центре зала, но на галерее для женщин уже отказались от решеток, которые служили для того, чтобы мужчины и женщины не видели друг друга. Изданный впервые в 1819 году молитвенник содержал первую еврейскую реформированную литургию. Она стремилась придать общественной молитве более упорядоченный, эстетичный и, в какой-то степени, немецкий вид. Традиционные молитвы на иврите были сокращены, одни слова в них были изменены, другие и вовсе исключены, и вместо них был помещен немецкий перевод. Все слова из молитв, связанные с обетами по поводу ожиданий на Святой Земле и уже подвергавшиеся сомнению – явление мессии,

спасение евреев путем их возвращения в Эрец Исраэль, воскрешение мёртвых и восстановление жертвоприношений в храме, – были либо смягчены, либо вычеркнуты.

Огромное внимание Храм уделял своим новым музыкальным традициям: кантор, чьи предки когда-то иммигрировали с Иберийского полуострова, привнёс в молитвы не только старинные испано-еврейские мелодии, но и молился с сефардским произношением, которое, как верили учёные, было более правильным, чем традиционное произношение немецких и среднеевропейских евреев. Все остальное также было продумано. Хор мальчиков сопровождал игру на фисгармонии – инструменте, который, так же как и используемый позже орган, остался совершенно неизвестен в ортодоксальных синагогах.

В то время как традиционные еврейские богослужения не знали ни совместного пения молящихся, ни хоров, Храм рассматривал пение на немецком языке как существенный элемент улучшения религиозного обряда. Песни, которые пелись в Храме, были в основном новыми, их мелодии были написаны нееврейскими композиторами и часто напоминали протестантские хоралы. Нововведения носили, таким образом, довольно странный характер: еврейские элементы из ашкеназской и сефардской культур смешивались с современным стилем церковной музыки.

Ведение службы Храм поручил двум проповедникам – Эдуарду Клею и Готхолду Саломону, которые в своих одеяниях напоминали лютеранских пасторов. Они читали в Шаббат проповеди на немецком языке, которые сами же сочиняли по образу и подобию протестантских. Такие изменения отличали Храм от других синагог в Гамбурге и за его пределами. По старой традиции, раввины не имели особого статуса в религиозном культе – ни при ведении богослужений, ни при чтении религиозных докладов. В Храме же проповедь

стала инструментом назидания и поучения – впервые за долгое время еврейской религиозной жизни. Тот факт, что Саломон всю жизнь утверждал, что имеет докторское звание, которого он, видимо, никогда не получал, подчёркивает его притязания на принадлежность к буржуазной образованной элите.

Новый Храм с самого начала был вызовом ортодоксам – не только потому, что "придуманные" нововведения противоречили обычаям традиционного еврейства, но и потому, что был сильным магнитом для женщин, которым особенно нравились немецкоязычные проповеди, а также для молодого поколения. Поэтому в первые годы существования Общества часто возникали резкие споры с правоверным большинством общины. Постепенно, однако, как позитивный, так и негативный интерес к Храму стал угасать. Оживленные дебаты вспыхнули ещё раз, когда в 1842 году Храм выпустил второе, переработанное, издание своего молитвенника, и раввин общины Исаак Бернаус воззвал к сопротивлению. Но строительство молельного дома на Полштрассе в 1844 году уже не вызвало никакого общественного возмущения. Эта терпимость, хотя и не отражала взаимного признания и не была следствием изменившегося соотношения сил, все же благоприятствовала реформам. Ортодоксы внутри и вне Гамбурга начали смотреть на Храм спокойнее.

Достижением Гамбургского храма остается то, что он впервые создал для немецкого прогрессивного еврейства прочный фундамент. С 30-х годов 19-го века началась реформа религиозного культа и в других еврейских общинах. Гамбургский пример оказался заразительным, да и в самом Гамбурге Храм признавали всё больше и больше еврейских граждан. Даже Сенат заверил Храм в своем благосклонном нейтралитете. Однако за этим стояла не столько религиозная терпимость, сколько желание построить для евреев мост для перехода в христианство. В ведомственном заключении, которое я нашёл в Гамбургском архиве, это звучит так: "Нет никаких сомнений в том, что сближение с христианскими формами культа вызовет также и сближение с самим христианским культом и что чем больше увеличивается число приверженцев храма, тем легче становится их будущий переход в христианскую веру".

Члены Общества вели буржуазный образ жизни, при котором каждодневное благочестие часто должно было уступить место социальным и экономическим потребностям. "Большая часть нашей общины, – извинялся один из них, – не

может регулярно принимать участие в богослужениях – не по равнодушию, а потому что требования внешней жизни властно предъявляют свои права, и наша менее требовательная религия считает возможным уступить". Но критические высказывания радикальных реформаторов о том, что совершенные преобразования недостаточны, не нашли понимания у руководства Общества. "Неужели из-за того, что мы сделали один прыжок, – рассуждал член комиссии по молитвенникам Мозес Харбляйхер, – мы теперь всё время только и должны будем прыгать?"

Интересен тот факт, что члены Храма в течение всей своей истории выражали недовольство курсом реформ. Если в первые годы обсуждалась возможность радикализировать реформы, то позже, напротив, выражалось желание лишь некоторой реставрации. Такое изменение направления происходило, однако, медленно и встречало значительное сопротивление. Путь "обратных" реформ оказался тяжким и дорогостоящим, к тому же ему должен был предшествовать процесс их постоянного переосмысления. Поэтому и во второй половине столетия в кайзеровской Германии в религиозных обрядах происходили лишь очень небольшие изменения. Почтительная приверженность большинства существующему "статус кво" противоречила, однако, принципам религиозного либерализма, заключавшимся в критическом изучении не только обычаев традиционного иудаизма, но и своих вновь созданных традиций.

Со строительством молельного дома на Оберштрассе в Харвестехуде начинается последняя и, возможно, наиболее существенная фаза гамбургского религиозно-либерального еврейства. В 30-х годах Храм пережил возрождение, которое сами гамбургские реформаторы называли "позитивным либерализмом", объявив тем самым новый этап развития классической религиозной реформы. На первый взгляд, кажется удивительным, что много лет откладываемый проект строительства нового Храма успешно осуществился как раз в 1931 году, т.е. во время продолжающегося экономического спада и высокой безработицы. Здание на Оберштрассе в районе Ротенбаум было удобно членам Общества, большинство из которых уже много лет жило восточнее Альстера. Но только из-за удобного расположения Храм никогда не был бы построен, особенно учитывая, что его строительство смогло быть реализовано лишь благодаря кредиту, который был дан еврейской общине. Те, кто принимал участие в торжественном освящении молельного дома,

решительно заявили о новой эпохе в жизни Храма. Воодушевление, связанное с открытием нового Храма, видимо, открыло глаза на упущения прошлого. Председатель Храмового Общества Генрих Леви, например, говорил о своих больших ожиданиях, которые, как он верил, будут претворены в жизнь в ближайшем будущем. Его речь переходила от надежды к уверенности в том, что закончилось время, когда "...сопредседатели в исход Йом Кипура говорили друг другу, что до следующего праздника Рош ха-Шана они не увидятся".

Подробные источники, описывающие историю Храма в 30-е годы, отсутствуют. Короткие заметки, однако, позволяют сделать вывод, что религиозное общество реформаторов снова удивительно быстро окрепло. Строительство Храма в Харвестехуде было отчетливым символом перемен, более глубокие причины которых были тесно связаны с коллективными опасениями гамбургских евреев. Экономический спад и, в особенности, стремительный успех национал-социалистов у избирателей поставили под вопрос все устои прежней жизни. Если в эпоху прогресса и процветания иудаизм отступал на второй план, то теперь его значение резко возросло. Во времена репрессий Храм служил местом прибежища от повседневных антисемитских преследований. Здесь члены Общества могли попытаться найти опору в вере. Но даже тем, для кого религия осталась чуждой, общественная жизнь в Храме помогала: одним – противостоять изоляции во враждебном окружении, другим – укрепить свою с трудом приобретенную еврейскую идентификацию. Так же как и в других еврейских общинах Германии, религиозное общество всё больше и больше становилось культурной общиной. Научные доклады, семинары, учебные группы, организованные по примеру франкфуртского "Свободного еврейского дома учения", были посвящены различным аспектам еврейской жизни. Их авторы сознательно выходили за рамки религиозных традиций, поднимая жажду еврейского самосознания на общий уровень и расширяя возможность идентификации. Этими жестами самоутверждения Храм хотя бы частично компенсировал неопределённость

своего положения. В преддверии назревающей катастрофы он выполнял важную функцию, удовлетворяя потребность гамбургских евреев в здоровых общественных отношениях и одновременно привлекая тех, в ком проснулась жажда веры.

Начиная с ноября 1938 года и без того трудная жизнь евреев драматически ухудшилась. Хотя молельный дом на Оберштрассе в Хрустальную ночь остался неповреждённым, его внутренние помещения были разгромлены. Кроме того, это здание было конфисковано и больше не могло служить для сбора членов общины. Окончательная ликвидация была лишь формальностью: в 1943 году так называемое "Еврейское религиозное общество Гамбурга", как должна была себя называть с 1938 года еврейская община, получило краткое уведомление о том, что Храм уже вычеркнут из списка зарегистрированных объединений Гамбурга. К тому времени большинство его членов, так же как и другие евреи Гамбурга, либо уже бежали из Германии, либо были депортированы в гетто, концентрационные лагеря и лагеря уничтожения.

Сегодня Храм как архитектурное сооружение существует, но тот, кто попытается отыскать в нем следы гамбургских реформаторов, вряд ли что-нибудь найдет.

Надежда на то, что консервативно-либеральный храмовый ритуал 30-х годов мог бы стать "примером синагогальной культуры в Эрец Израэль", тоже не оправдалась. Да и в прогрессивных синагогах Соединённых Штатов Америки немецкое либеральное еврейство также имело существенное влияние лишь на первых порах, так как американские евреи достаточно рано дистанцировались от своих европейских предшественников. В Германии лишь в последние годы были предприняты серьёзные попытки возродить насильно прерванную традицию реформ немецкого иудаизма. Окажет ли традиция Храма в будущем ещё раз влияние на религиозно-либеральное обновление в Германии, покажет время. В 2004 году в Гамбурге образовалась Либеральная еврейская община, которая переняла идеи Храма. Её членам, правлению и раввину я желаю успеха в их начинании.

